Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-58-66

БАДАМШИН Динар Наилевич,
аспирант
кафедры гражданского права Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», Москва, Россия,
e-mail: badamshindinar@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОСТОВЕРНЫЕ ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется соотношение двух способов защиты доверия, формирующегося при подготовке и заключении гражданско-правового договора: ответственности за недобросовестное ведение переговоров по статье 434.1 ГК РФ и ответственности за недостоверные заверения об обстоятельствах по статье 431.2 ГК РФ. Актуальность исследования обусловлена частичным совпадением сфер действия названных норм. Недостоверные сведения могут быть сообщены в ходе переговоров, а заверение — предоставлено до заключения договора; вместе с тем основания ответственности, распределение бремени доказывания и состав возмещаемых потерь различаются. Цель работы состоит в разработке последовательных критериев квалификации поведения стороны, сообщившей контрагенту недостоверную или неполную информацию. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-функциональный методы, анализ постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается, что разграничение не может проводиться только по времени сообщения информации. Решающее значение имеют наличие ясно выраженного заверения, направленность информации на распределение договорного риска, факт заключения договора, разумное полагание получателя на сообщение и характер заявленного способа защиты. Если договор не заключен и вред состоит в бесполезных переговорных расходах либо утрате альтернативной сделки, применяется модель негативного интереса статьи 434.1 ГК РФ. Если договор заключен на условиях, сформированных под влиянием конкретного заверения, приоритет имеет статья 431.2 ГК РФ. Научная новизна заключается в предложении многоступенчатого квалификационного теста и в обосновании недопустимости механического сложения мер ответственности за одно информационное нарушение. Практическое значение выводов состоит в возможности точнее формулировать заверения, соглашения о порядке ведения переговоров и предмет доказывания по соответствующим спорам.*

Ключевые слова: *преддоговорная ответственность, недобросовестное ведение переговоров, заверения об обстоятельствах, недостоверная информация, разумное доверие, негативный договорный интерес, переговорные убытки, распределение рисков, добросовестность, бремя доказывания, недействительность сделки, свобода договора.*

BADAMSHIN Dinar Nailevich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration Moscow, Russian Federation Research

THE RELATIONSHIP BETWEEN PRE-CONTRACTUAL LIABILITY AND LIABILITY FOR INACCURATE REPRESENTATIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the relationship between two mechanisms protecting reliance during the preparation and conclusion of a civil-law contract: liability for bad-faith negotiations under Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation and liability for inaccurate representations under Article 431.2. The relevance of the study arises from the partial overlap between the two provisions. Inaccurate information may be supplied during negotiations, while a representation may be made before the contract is concluded; nevertheless, the grounds for liability, the allocation of the burden of proof and the recoverable losses are different. The study aims to formulate consistent criteria for classifying the conduct of a party that has supplied inaccurate or incomplete information. The research employs formal legal, systemic and comparative-functional methods and analyses resolutions of the Plenum and rulings of the Commercial Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation. The article argues that the distinction cannot depend only on the time at which the information was communicated. Decisive factors include an express representation, the allocation of contractual risk, whether the contract was ultimately concluded, reasonable reliance by the recipient and the remedy sought. Where no contract was concluded and the loss consists of wasted negotiation costs or a lost alternative transaction, Article 434.1 and the negative-interest model should apply. Where a contract was concluded on terms shaped by a specific representation, Article 431.2 should take priority. The scientific novelty lies in a multi-stage classification test and in the argument against mechanically cumulating remedies for the same informational misconduct. The conclusions may be used when drafting representations, negotiation agreements and the issues to be proved in litigation.*

Key words: *pre-contractual liability, bad-faith negotiations, representations, inaccurate information, reasonable reliance, negative contractual interest, negotiation losses, risk allocation, good faith, burden of proof, invalidity of transaction, freedom of contract.*

Российская реформа обязательственного права 2015 года одновременно закрепила несколько конструкций, рассчитанных на защиту участника оборота от информационной недобросовестности контрагента. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации были введены статья 431.2 о заверениях об обстоятельствах и статья 434.1 о переговорах о заключении договора [1]. Их появление решило давно обсуждавшуюся задачу: право стало прямо учитывать, что существенные потери возникают не только после нарушения заключенного договора, но и раньше — при проверке объекта, согласовании условий, предоставлении документов и принятии решения о самой сделке. Однако одновременное включение двух правил породило вопрос, который нельзя снять ссылкой на общий принцип добросовестности: какое из них подлежит применению, если недостоверная информация сообщена именно на стадии переговоров?

Пересечение видно уже из текста закона. Пункт 2 статьи 434.1 ГК РФ относит к предполагаемо недобросовестному поведению предоставление неполной или недостоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые должны быть доведены до другой стороны. Статья 431.2 ГК РФ, в свою очередь, говорит о заверениях, данных «при заключении договора либо до или после его заключения», если соответствующие обстоятельства имеют значение для заключения, исполнения или прекращения договора [2; 3]. Следовательно, один и тот же разговор, письмо или файл due diligence по внешним признакам способен оказаться и сообщением в переговорах, и заверением. Различие приходится искать не в носителе информации и не в календарной дате, а в юридической функции высказывания.

Проблема имеет не только теоретический характер. При квалификации по статье 434.1 ГК РФ потерпевший требует поставить его в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо связывает эту модель с расходами на переговоры, подготовку договора и утратой возможности заключить договор с третьим лицом [4]. При применении статьи 431.2 ГК РФ стороны обычно исходят из уже состоявшегося договора: получатель заверения просит взыскать убытки или согласованную неустойку, отказаться от договора либо оспорить его по правилам о заблуждении или обмане. Ошибка в выборе нормы поэтому меняет предмет доказывания и меру ответственности.

В литературе наложение сфер действия двух статей отмечалось практически сразу после реформы. И. З. Аюшеева связывала дальней-

шее развитие преддоговорной ответственности с необходимостью определить ее соотношение со статьями 431.2, 421, 178 и 179 ГК РФ [9]. Л. В. Шварц обращала внимание на самостоятельность квалификационного вопроса: ложное сообщение может быть частью переговорного правонарушения, однако может одновременно выполнять функцию заверения, рассчитанного на решение адресата заключить договор [11]. Е. М. Воронин на материале судебной практики показал, что суды нередко называют заверением любое включенное в договор утверждение, хотя не каждое описание факта означает принятие отдельного риска его недостоверности [12]. Эти наблюдения сохраняют значение, поскольку словесное совпадение еще не устанавливает правовую природу сообщения.

Исходной точкой разграничения следует признать различие охраняемых интересов. Статья 434.1 ГК РФ охраняет свободу и добросовестность самого переговорного процесса. Закон начинает с формулы о том, что стороны свободны в проведении переговоров и самостоятельно несут связанные с ними расходы [3]. Ответственность возникает не за то, что договор не появился, а за использование свободы переговоров вопреки ее назначению: вступление в обсуждение без намерения договориться, сокрытие существенной информации, искусственное поддержание ожиданий либо внезапный выход после создания у другой стороны разумной уверенности в завершении сделки. Объект защиты здесь — доверие к способу поведения контрагента на преддоговорной стадии.

Статья 431.2 ГК РФ выполняет другую функцию. Заверение позволяет одной стороне принять на себя риск того, что определенный факт окажется неверным. Пленум Верховного Суда указывает, что заверение должно быть ясным и недвусмысленным и тем самым дополняет установленную законом ответственность [5]. Адресат получает не общее обещание вести себя честно, а конкретное основание полагаться на названное обстоятельство: наличие лицензии, отсутствие скрытой задолженности, полномочия на заключение сделки, достоверность финансовой отчетности, отсутствие конфликта интересов. Поэтому заверение одновременно сообщает информацию и распределяет риск ее несоответствия действительности.

Из этого следует первый квалификационный критерий — степень определенности сообщения. Для статьи 431.2 ГК РФ недостаточно установить, что во время встречи один участник положительно описывал будущую сделку или выражал уверенность в успехе проекта. Необходимо выделить утверждение об обстоятельстве, которое адресовано другой стороне как основание для принятия договорного решения. Формулировки «по имеющимся данным задолженность отсутствует», «продавец заверяет, что задолженность отсутствует» и «предполагается погасить задолженность до сделки» различаются по юридической функции. Первое может остаться обычным информационным сообщением, второе прямо распределяет риск, третье относится к будущему исполнению и требует проверки на предмет наличия самостоятельного обязательства.

Д. А. Цуранов определяет заверения через сообщение утверждений о фактах прошлого или настоящего контрагенту для того, чтобы тот полагался на них при принятии решения [13]. Такое определение помогает отделить заверение от оценки и прогноза, но судебная практика не позволяет свести институт исключительно к уже завершившимся обстоятельствам. В определении от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 Верховный Суд признал юридически значимыми заверения продавцов долей об отсутствии нарушений в деятельности общества, последствия которых могли проявиться после перехода корпоративного контроля [7]. Обстоятельство-основание существовало до сделки, хотя требование государственного органа возникло позднее. Значит, будущее проявление скрытого риска не превращает заверение в обещание будущего результата.

Второй критерий — результат переговоров. Если договор так и не заключен, применение статьи 431.2 ГК РФ обычно лишается практической основы. Получатель информации не может отказаться от несуществующего договора, а его потери выражаются в расходах на проверку, консультантов, поездки, подготовку документов или в утраченной альтернативе. Такое положение соответствует статье 434.1 ГК РФ. Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 прямо предусматривает: если неполная или недостоверная информация послужила основанием для отказа от заключения договора, потерпевшая сторона вправе требовать возмещения убытков по пункту 3 статьи 434.1 ГК РФ [4].

Обратное правило требует уточнения. Сам факт заключения договора не должен автоматически исключать статью 434.1 ГК РФ: пункт 7 этой статьи допускает ее применение независимо от того, был ли договор заключен. Например, одна сторона могла недобросовестно затянуть переговоры и причинить расходы, а затем договор все же был подписан на иных условиях. Однако когда основанием требования выступает именно несоответствие действительности конкретного заверения, побудившего адресата заключить договор, статья 431.2 ГК РФ является специальным правилом. Она точнее описывает распределение риска и предоставляет способы защиты, рассчитанные

на существующий договор. В такой ситуации обращение к статье 434.1 ГК РФ допустимо лишь для самостоятельного нарушения, не поглощенного недостоверностью заверения.

Третий критерий связан с формой фиксации. Для возникновения обязанности действовать добросовестно в переговорах отдельного документа не требуется. Суд исследует переписку, проекты, протоколы встреч, последовательность запросов и ответов, фактические расходы. Для заверения, напротив, особое значение имеет возможность установить его точное содержание и адресата. Пункт 34 постановления Пленума № 49 требует явного и недвусмысленного характера заверения, а свидетельские показания не заменяют письменное подтверждение его предоставления [5]. Это не означает, что заверение обязательно должно находиться в финальном тексте договора: оно может содержаться в отдельном письме, приложении, раскрывающем письме или ином документе, если связь с предполагаемым либо заключенным договором и расчет на доверие адресата доказаны.

Четвертый критерий — характер доверия получателя. Для обеих конструкций важна не абстрактная ложность сообщения, а его влияние на поведение адресата. При статье 434.1 ГК РФ истец показывает, что недостоверная или неполная информация побудила его продолжать переговоры, нести расходы либо отказаться от реальной альтернативы. При статье 431.2 ГК РФ требуется установить, что давший заверение исходил или имел разумные основания исходить из того, что другая сторона будет на него полагаться [2]. В предпринимательских и корпоративных отношениях закон усиливает ответственность лица, давшего заверение, однако защищаемое доверие получателя все равно не может быть фиктивным.

Именно поэтому результаты проверки контрагента нельзя оценивать одинаково во всех делах. Пленум № 49 разъяснил, что лицо, давшее заведомо недостоверное заверение, не освобождается от ответственности ссылкой на неосмотрительность получателя [5]. В определении от 26 июля 2024 г. № 305-ЭС24-4207 Верховный Суд подтвердил: упущенная возможность обнаружить ложность сама по себе не препятствует судебной защите. Но если получатель заведомо знает, что сообщение неверно, он на него не полагается и не имеет соответствующего защищаемого интереса [8]. Таким образом, непроведение due diligence и фактическое знание о недостоверности — разные обстоятельства.

Эта позиция особенно важна для сделок между участниками одного бизнеса. Покупатель, впервые получающий доступ к данным общества, и контролирующий участник, годами утверждавший отчетность и влиявший на хозяйственные решения, находятся в разном информационном положении. В деле № А40-79027/2022 Верховный Суд потребовал проверить, мог ли равноправный участник не знать о существенной задолженности общества, долю в котором он выкупал [8]. Правило статьи 431.2 ГК РФ не должно превращаться в средство перераспределения уже известных потерь под видом последствий недостоверного заверения. Однако и профессиональный статус покупателя сам по себе не снимает ответственности с того, кто сознательно сообщил ложный факт.

Пятый критерий касается вины и бремени доказывания. По общему правилу переговоры предполагаются добросовестными. Пункт 19 постановления Пленума № 7 возлагает на истца обязанность доказать недобросовестную цель ответчика, но для ситуаций, прямо названных в подпунктах 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ, действует презумпция недобросовестности и ответчик должен объяснить свое поведение [4]. Следовательно, истцу необходимо сначала показать фактическое основание презумпции: какая информация была неполной или ложной, почему соответствующее обстоятельство подлежало раскрытию либо почему прекращение переговоров было внезапным и неоправданным.

Для заверений предпринимателей режим жестче. Пункт 4 статьи 431.2 ГК РФ связывает последствия с объективной недостоверностью заверения независимо от того, было ли давшему лицу известно о ложности, если иное не предусмотрено соглашением сторон [2]. Верховный Суд в определении от 21 марта 2023 г. сформулировал этот подход как ответственность продавца за объективный факт недостоверности заверений [7]. Вместе с тем объективность не отменяет остальных элементов: необходимо установить содержание заверения, его недостоверность, расчет на доверие, нарушение защищаемого интереса и предусмотренное договором либо законом последствие. Иначе вся неблагоприятная информация о предмете сделки превращалась бы в основание безусловной выплаты.

Шестой критерий — состав возмещаемых потерь. Преддоговорная ответственность ориентирована на негативный договорный интерес. Потерпевшему возмещается не прибыль, которую он получил бы от незаключенного договора, а потери, вызванные самим вовлечением в недобросовестные переговоры. Это расходы на юридическую, техническую и финансовую проверку, подготовку проекта, командировки, резервирование ресурсов, а также доказанная утрата возможности заключить договор с третьим лицом [3; 4; 15; 17]. Если часть расходов была понесена до того, как поведение ответчика стало недобросовестным, причинная связь требует отдельной оценки: нормальные издержки свободных пере-

говоров нельзя переложить на контрагента задним числом.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018 стало ключевым для такого временного разграничения. Спор возник из длительных переговоров о приобретении бизнеса, которые завершились продажей актива другому покупателю. Верховный Суд указал на необходимость установить момент утраты ответчиками намерения заключить договор с истцом и оценить последующее продолжение переговоров [6]. Тем самым была задана корректная причинная модель: не вся стоимость участия в переговорах является убытком, а только расходы и потери, относимые к периоду и действиям, в которых свобода выбора контрагента использовалась недобросовестно.

При недостоверных заверениях расчет зависит от согласованного способа защиты. Стороны могут установить неустойку, предусмотреть уменьшение цены, отказ от договора либо потребовать убытки. В отличие от статьи 434.1 ГК РФ, здесь не всегда достаточно восстановить положение до начала переговоров. Получатель мог желать сохранить экономически выгодный договор, но потребовать компенсацию потерь, вызванных конкретным скрытым риском. В. Ю. Лимарев справедливо связывает сложность расчета с тем, что российская конструкция объединила информационную функцию заверения и договорные последствия его недостоверности [16]. А. А. Соскиева отмечает, что неопределенность методики возмещения приводит к смешению убытков, неустойки и иных механизмов распределения рисков [14].

Нельзя, однако, заранее отождествлять убытки по статье 431.2 ГК РФ с позитивным договорным интересом во всех случаях. Если недостоверное заверение повлияло на цену доли, размер потерь может определяться разницей между согласованной ценой и действительной стоимостью приобретенного актива. Если заверение касалось отсутствия требования третьего лица, убыток может проявиться в сумме удовлетворенного требования и необходимых сопутствующих расходах. Если же получатель отказывается от договора, расчет приближается к восстановлению положения до сделки. Вид заверения и выбранный способ защиты должны быть связаны между собой; взыскание условной «стоимости недостоверности» без объяснения причинной связи недопустимо.

Седьмой критерий — соотношение с правилами о недействительности сделки. Пункт 21 постановления Пленума № 7 указывает, что при заключении договора под влиянием неполной или недостоверной информации сторона может требовать признания сделки недействительной по статьям 178 или 179 ГК РФ либо использовать специальные способы защиты для соответствующего вида обязательства [4]. Статья 431.2 ГК РФ сохраняет возможность оспаривания сделки, но не делает его обязательной предпосылкой взыскания убытков или неустойки. Практический смысл заверений как раз состоит в том, чтобы получить средство защиты без разрушения всей договорной связи.

Различаются и требования к субъективной стороне. Обман по статье 179 ГК РФ предполагает намеренное введение в заблуждение, тогда как предпринимательская ответственность за недостоверное заверение способна наступить независимо от знания лица о его ложности [2]. Существенное заблуждение по статье 178 ГК РФ требует показать, что сторона не совершила бы сделку, если бы знала действительное положение дел. Для применения статьи 431.2 ГК РФ центральным становится полагание на конкретно предоставленное заверение и согласованный риск. Поэтому одни и те же факты могут давать потерпевшему выбор способов защиты, но составы требований не совпадают и не должны подменять друг друга.

Механическое сложение ответственности по статьям 431.2 и 434.1 ГК РФ за одно и то же ложное утверждение создает риск двойного возмещения. Если покупатель уже получил неустойку, рассчитанную сторонами как последствие недостоверности заверения, взыскание тех же потерь как переговорных убытков потребует доказать самостоятельный вред. И наоборот, возмещение расходов, вызванных фиктивными переговорами, не исключает отдельного требования по заверению, если впоследствии стороны заключили договор и заверение распределяло иной риск. Правильный подход состоит не в выборе одного «главного» института на все отношения, а в разложении фактического поведения на самостоятельные нарушения и последствия.

Для суда квалификация может быть выстроена как последовательный тест. Сначала устанавливается, имелись ли переговоры о конкретном договоре и в какой период они велись. Затем выделяется спорное сообщение: кто, кому, когда и в какой форме его передал. На третьем этапе определяется, являлось ли оно просто информацией, мнением, прогнозом, договорным обещанием либо ясным заверением о факте. Далее выясняется, был ли договор заключен и какое решение принял адресат под влиянием сообщения. После этого исследуются знание сторон, разумность полагания, причинная связь и вид потерь. Лишь завершив эту последовательность, можно определить применимую норму и способ защиты.

Предлагаемый тест позволяет объяснить

пограничные ситуации. Если продавец в ходе незавершенных переговоров направляет справку об отсутствии обременений, а покупатель, обнаружив ложность, прекращает переговоры и требует расходы на проверку, спор относится к статье 434.1 ГК РФ. Если та же справка прямо названа заверением, договор заключен, а обременение выявлено позднее, преимущественно применяется статья 431.2 ГК РФ. Если договор заключен, но ложная информация не была закреплена как заверение и обусловила существенное заблуждение, возможны статьи 178, 179 и специальные договорные способы защиты. Юридический результат определяется не названием файла, а функцией сообщения и последствиями доверия к нему.

Отдельного внимания заслуживает умолчание. Статья 434.1 ГК РФ прямо связывает недобросовестность с несообщением обстоятельств, которые в силу характера договора должны быть раскрыты [3]. Для статьи 431.2 ГК РФ молчание обычно недостаточно: заверение предполагает выраженное информационное содержание. Но отрицательная формулировка «иные обязательства отсутствуют» охватывает умолчание о существующей задолженности и становится полноценным заверением. Поэтому граница проходит между нарушением общей обязанности раскрыть существенную информацию и принятым стороной конкретным риском отсутствия неназванного обстоятельства.

Критерий «в силу характера договора» также требует осторожности. Он не означает общей обязанности контрагента раскрывать всю информацию, способную повлиять на цену. В предпринимательском обороте стороны сохраняют обязанность самостоятельно оценивать коммерческую выгодность сделки. Раскрытию подлежат обстоятельства, которые объективно существенны для предполагаемого договора, находятся преимущественно в сфере знания одной стороны и не могут быть разумно установлены другой без ее содействия. Чем профессиональнее участники и чем шире проведенная проверка, тем точнее суд должен определить, какая информация действительно ожидалась от контрагента, а какой риск оставался на стороне получателя.

Необходимо учитывать и договорную автономию. Пункт 5 статьи 434.1 ГК РФ разрешает заключить соглашение о порядке ведения переговоров, распределить расходы, установить требования к добросовестному поведению и неустойку. Стороны могут определить режим эксклюзивности, этапы согласования, круг лиц, уполномоченных давать обязательные сообщения, перечень раскрываемых документов и последствия прекращения переговоров [3]. Такое соглашение не должно лишать значения запрет умышленно недобросовестного поведения, но способно значительно сузить фактический спор: суд получает заранее согласованные ориентиры того, какие ожидания были разумными.

Заверения также нуждаются в технически точной формулировке. Следует отделять факты от обязательств на будущее, указывать момент, на который подтверждается достоверность, определять круг знаний давшего заверение лица, раскрывать известные исключения и согласовывать последствия нарушения. Слова «гарантирует» или «подтверждает» сами по себе не решают вопрос, если содержание документа показывает обычное описание предмета сделки. Напротив, отдельное раскрывающее письмо может ограничить заверение, если из договора ясно следует, что покупатель принимает перечисленные исключения. Правовая определенность достигается не количеством заверений, а связью каждого из них с риском и средством защиты.

Судебная практика последних лет показывает переход от формального поиска ложной фразы к анализу информационного положения сторон. В деле № А40-167835/2021 Верховный Суд сосредоточился на предмете заверений и последствиях выявления ранее допущенных нарушений после продажи долей [7]. В деле № А40-79027/2022 — на знании получателя, его статусе контролирующего участника и недопустимости извлекать преимущество из заведомо известной недостоверности [8]. В деле № А40-98757/2018 — на хронологии переговоров, параллельном поиске покупателей и моменте, с которого продолжение переговоров могло стать недобросовестным [6]. Эти позиции подтверждают необходимость функционального, а не формально-временного разграничения.

Преддоговорная ответственность и ответственность за недостоверные заверения не образуют отношение общей и специальной норм во всех возможных случаях. Их сферы пересекаются только в части информационного поведения до заключения договора. За пределами пересечения статья 434.1 ГК РФ охватывает фиктивное вступление в переговоры, стратегическое затягивание и внезапный неоправданный выход, а статья 431.2 ГК РФ действует и после заключения договора, включая заверения о его исполнении или прекращении. Поэтому формула «договор не заключен — статья 434.1, договор заключен — статья 431.2» полезна как первоначальный ориентир, но не заменяет анализа содержания нарушения.

Научная квалификация должна учитывать правовую природу обеих конструкций. Пленум № 7 распространяет на вред от недобросовестных переговоров нормы главы 59 ГК РФ с исключениями статьи 434.1 [4]. Заверения, напротив, включены Пленумом № 49 в договорный механизм ответственности и применяются наряду

с общими положениями об обязательствах [5]. Это различие объясняет особенности причинной связи, вины и расчета убытков. Вместе с тем обе конструкции основаны на защите доверия, созданного поведением самого нарушителя, и потому требуют проверки добросовестности обеих сторон, а не только буквального текста документа [10; 18].

Предлагаемое разграничение можно свести к четырем основным выводам. Во-первых, статья 434.1 ГК РФ защищает от недобросовестного процесса переговоров, статья 431.2 ГК РФ — от реализовавшегося риска недостоверности конкретного заверения. Во-вторых, заключение договора является важным, но не абсолютным критерием. В-третьих, ясность заверения и разумное полагание на него должны быть установлены самостоятельно. В-четвертых, способ защиты определяется тем положением, которое необходимо восстановить: до переговоров, до сделки либо в рамках сохраненного договора.

Такой подход не ослабляет свободу договора. Сторона сохраняет право отказаться от переговоров, вести параллельные обсуждения и самостоятельно оценивать коммерческую целесообразность сделки. Ограничивается лишь возможность создавать у контрагента ложное представление о фактах или намерениях и перекладывать на него предсказуемые расходы. Равным образом заверение не освобождает его получателя от всякой осмотрительности, но препятствует тому, чтобы давший конкретное подтверждение впоследствии ссылался на очевидность собственной недостоверности. Баланс достигается через защиту разумного, а не любого субъективного ожидания.

В результате статьи 431.2 и 434.1 ГК РФ следует применять не конкурирующим, а согласованным образом. Для несостоявшейся сделки и бесполезных расходов исходной является преддоговорная ответственность. Для заключенного договора и принятого стороной риска достоверности конкретного факта — ответственность за заверение. Кумуляция допустима только при наличии разных нарушений или разных, не перекрывающихся последствий. Предлагаемый многоступенчатый тест позволяет сделать квалификацию проверяемой, а судебный результат — более предсказуемым. Практическая задача сторон состоит в том, чтобы документально разделять переговорные правила, информационные сообщения, заверения и собственно договорные обязательства, не оставляя суду необходимость восстанавливать их назначение лишь по фрагментам переписки.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (дата обращения: 21.08.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/52b8ddfd2dcdeea14164157401daf099e5e09adb/ (дата обращения: 21.08.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (дата обращения: 21.08.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: https://vsrf.ru/documents/own/8478/ (дата обращения: 21.08.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27540/ (дата обращения: 21.08.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29012020-n-305-es19-19395-po-delu-n-a40-987572018/ (дата обращения: 21.08.2026).

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406490473/ (дата обращения: 21.08.2026).

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 305-ЭС24-4207 по делу № А40-79027/2022. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388760 (дата обращения: 21.08.2026).

[9] Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex russica. 2017. № 5. С. 136–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.126.5.136-147. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/335 (дата обращения: 21.08.2026).

[10] Саркисян В. В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2022. URL: https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmpbvupl9184f22/Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf (дата обращения: 21.08.2026).

[11] Шварц Л. В. К вопросу о квалификации преддоговорной ответственности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 50–54. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/69 (дата обращения: 21.08.2026).

[12] Воронин Е. М. Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 193–208. URL: https://publications.hse.ru/view/282469186 (дата обращения: 21.08.2026).

[13] Цуранов Д. А. Заверения об обстоятельствах: вопросы теории и практики // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 188–204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zavereniya-ob-obstoyatelstvah-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 21.08.2026).

[14] Соскиева А. А. К вопросу об ответственности за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 2. С. 193–204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy-ob-obstoyatelstvah (дата обращения: 21.08.2026).

[15] Плотников Е. В. Убытки в преддоговорных спорах // Вестник магистратуры. 2019. № 6-1 (93). С. 122–124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-v-preddogovornyh-sporah (дата обращения: 21.08.2026).

[16] Лимарев В. Ю. Возмещение убытков за предоставление недостоверных заверений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy (дата обращения: 21.08.2026).

[17] Долгополов М. Н. Убытки от недобросовестного ведения переговоров (преддоговорные убытки) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 207–218. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki (дата обращения: 21.08.2026).

[18] Щенникова Л. В. Институт заверений об обстоятельствах: научная дискуссия и судебная практика // Общество и право. 2024. № 1 (87). С. 95–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zavereniy-ob-obstoyatelstvah-nauchnaya-diskussiya-i-sudebnaya-praktika (дата обращения: 21.08.2026).

References:

[1] Federal Law No. 42-FZ of March 8, 2015 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (access date: 21.08.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Art. 431.2 "Representations of Circumstances." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/52b8ddfd2dcdeea14164157401daf099e5e09adb/ (access date: 21.08.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one): Art. 434.1 "Negotiations on the conclusion of a contract." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (access date: 21.08.2026).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations." URL: https://vsrf.ru/documents/own/8478/ (access date: 21.08.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract." URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27540/ (access date: 21.08.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of January 29, 2020 No. 305-ES19-19395 in case No. A40-98757/2018. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29012020-n-305-es19-19395-po-delu-n-a40-987572018/ (access date: 21.08.2026).

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2023 No. 305-ES22-17862 in case No. A40-167835/2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406490473/ (access date: 21.08.2026).

[8] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 26, 2024 No. 305-ES24-4207 in case No. A40-79027/2022. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388760 (access date: 21.08.2026).

[9] Ayusheeva I.Z. Pre-contractual liability: novels of civil law and judicial practice // Lex russica. 2017. № 5. S. 136-147. DOI: 10.17803/1729-5920.

2017.126.5.136-147. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/335 (access date: 21.08.2026).

[10] Sargsyan V.V. Responsibility for unfair negotiation: ref. dis.... cand. jurid. sciences. Kursk, 2022. URL: https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmpbvupl9184f22/ Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf (access date: 21.08.2026).

[11] Schwartz L.V. On the issue of qualification of pre-contractual liability // Theoretical and applied jurisprudence. 2020. № 4. S. 50-54. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/69 (access date: 21.08.2026).

[12] Voronin E. M. Practice of applying the institution of assurances about circumstances under Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. № 6. S. 193-208. URL: https://publications.hse.ru/view/282469186 (access date: 21.08.2026).

[13] Tsuranov D. A. Assurances about the circumstances: questions of theory and practice // Questions of Russian justice. 2023. № 28. S. 188-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zavereniya-ob-obstoyatelstvah-voprosy-teorii-i-praktiki (access date: 21.08.2026).

[14] Soskieva A. A. On the issue of responsibility for providing false assurances about the circumstances // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2024. № 2. S. 193-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy-ob-obstoyatelstvah (access date: 21.08.2026).

[15] Plotnikov E.V. Losses in pre-contractual disputes // Bulletin of the magistracy. 2019. № 6-1 (93). S. 122-124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-v-preddogovornyh-sporah (access date: 21.08.2026).

[16] Limarev V. Yu. Compensation for losses for providing false assurances // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy (access date: 21.08.2026).

[17] Dolgopolov M.N. Losses from unfair negotiation (pre-contractual losses) // Legal policy and legal life. 2022. № 4. S. 207-218. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki (access date: 21.08.2026).

[18] Schennikova L. V. Institute for Assurances of Circumstances: Scientific Discussion and Judicial Practice // Society and Law. 2024. № 1 (87). S. 95-102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zavereniy-ob-obstoyatelstvah-nauchnaya-diskussiya-i-sudebnaya-praktika (access date: 21.08.2026).

